

Он не знал, что еще в возрасте чуть больше десяти лет Дань Чао в пустыне натягивал лук и стрелял в орлов, отрубал орлиные когти и тайком отдавал их своему учителю. Возможно, потенциал предков, завоевывавших мир луками и конями, от рождения скрывался в его крови. Дань Чао начал тренироваться в верховой езде и стрельбе довольно поздно, но прогрессировал с поразительной скоростью. В конце концов, в искусстве верховой езды и стрельбе из лука он даже превзошел Се Юня.

В этот момент вторая мишень приблизилась издалека. Глаза Юйвэнь Ху и Дань Чао одновременно сузились, они натянули тетивы и выпустили стрелы — снова два свистящих звука, и центр мишени был поражен!

— Отлично, отлично! — Император был крайне доволен. — Генерал Юйвэнь действительно соответствует своей славе, а телохранитель Дань также смог проявить себя. У меня под началом действительно собрались таланты!

Императрица У почувствовала легкую зубную боль и подперла подбородок.

Юйвэнь Ху ошибся. Се Юнь следил не за Дань Чао, а за лошадью под Дань Чао.

Существует множество способов испугать лошадь. Только он сам знал несколько методов из тайных техник Скрытых врат, которые могли вызвать у лошади внезапный припадок, не оставляя следов. А Хэлань Миньчжи был тем, кто даже во дворце мог выбежать и приставать к служанкам. Чтобы достичь цели, подстроить что-то с лошадью — такие низкопробные трюки казались созданными специально для него.

Се Юнь весь путь скакал, пристально наблюдая. В мгновение ока двое на поле прошли уже восемь мишеней. Дань Чао на удивление плотно держался, отставая от Юйвэнь Ху всего на половину корпуса лошади — не мог обогнать, но и не отставал. Восклицания восхищения императора уже были настолько громкими, что их было слышно даже на поле.

Однако рыже-гнедой скакун, кровь которого словно пот, не проявлял никаких признаков аномалии. Он был бодр и энергичен, его походка была сильной и уверенной. После того как Дань Чао десятки раз сильно пнул его в бока, копыта лошади внезапно ускорились, и не было и намека на внезапное бешенство.

— Неужели Хэлань Миньчжи действительно сделал ставку на превосходное мастерство верховой езды Юйвэнь Ху, лидера трех армий?

Брови Се Юня сдвинулись. В этот момент девятая мишень уже мчалась навстречу. Юйвэнь Ху и Дань Чао одновременно отпустили поводья и натянули луки!

И в тот же миг белый конь Се Юня взвился на дыбы, закинув голову.

— И-и-го-го-о!

Конское ржание было оглушительным, словно раскалывающим камни. Затем белый конь, словно пораженный тысячью молний, начал бешено биться!

Зрачки Се Юня резко расширились. В мгновение ока он вспомнил руку Хэлань Миньчжи, которая перед выходом на поле скользнула по шее лошади.

В этот момент уже было слишком поздно что-либо говорить. Испуганная лошадь на полном скаку смертельно опасна. Особенно такой сильный и мощный скакун, как этот белый конь. Его

испуганный прыжок был подобен сотрясению гор и переворачиванию моря. Всадника, даже если бы он был сделан из железа, мгновенно сбросило бы на землю.

В спешке Се Юнь изо всех сил натянул поводья, но не смог удержать бешеную мощь коня. Он едва не был сброшен прямо под копыта!

Произошедшая перемена была слишком внезапной. Все за пределами поля остолбенели от изумления. Императрица У резко встала:

— Се Юнь! Убей коня!

Се Юнь выхватил кинжал из-за пояса, но в момент, когда он занес его над шеей коня, почему-то остановился.

— Будь это человеческая шея, ее уже хватило бы на то, чтобы проткнуть восемнадцать раз.

Но это был его боевой конь.

Дыхание Се Юня прервалось. Он отбросил кинжал далеко в сторону, затем схватился обеими руками за поводья, намереваясь силой обуздать коня!

В тот же момент двое на поле также заметили движение. Юйвэнь Ху отпустил стрелу, поразив центр мишени, и оглянулся. А Дань Чао дрогнул пальцем, и его девятая стрела с треском пролетела мимо мишени!

Он даже не взглянул на стрелу, резко развернулся и протянул руку к Се Юню.

Все перемены произошли в тот миг, слишком быстро, чтобы уследить.

Взбешенный конь взвился с долгим ревом. Этот рывок, казалось, обладал силой в тысячу цзюней и подбросил Се Юня высоко в воздух. Если бы он не ухватился за поводья, то непременно упал бы на землю и был бы растоптан копытами.

Однако в следующий момент Дань Чао, наклонившись с седла, держась только ногами, зажатыми по бокам лошади, одной рукой обхватил тело Се Юня за талию и с невообразимой силой рук подхватил его в воздухе!

Бум!

Се Юня прижало всем телом к груди Дань Чао. Дань Чао обхватил его руками, ухватился за поводья, не успев сказать ни слова, как последняя мишень уже молниеносно появилась впереди.

За тот миг, что они потеряли, Юйвэнь Ху уже опередил их на несколько шагов, проскочил эту мишень и намертво всадил свою последнюю стальную стрелу в самое яблочко.

— Все десять его выстрелов попали в цель, а девятая стрела Дань Чао ушла в молоко. Исход схватки уже не вызывал сомнений.

Дань Чао тихо выдохнул, затем нахмурил брови. Его острые, как у ястреба, глаза слегка прищурились. На скаку он натянул лук, прицелившись в центр мишени.

Се Юнь лишь услышал, как тот, прильнув к его уху, тихо произнес:

— Я все еще могу выиграть.

Уже потеряв одну стрелу, как можно еще победить?

В мгновение ока Дань Чао мог сказать только это. Се Юнь не успел спросить, как увидел, что Дань Чао, сидя верхом на лошади, развернулся всем корпусом в сторону, натянул лук, прямо нацелившись на мишень в сотне шагов.

Армейская стандартная мишень была высотой со взрослого человека, так что ее нельзя было назвать маленькой. Но сотня шагов — примерно тридцать три чжана. На таком расстоянии, да еще скача на бешеном скакуне-тысячелийнике, даже человек с исключительным зрением успевал увидеть лишь мелькнувшую тень мишени.

— Уловить из этой тени и точно поразить цель, меньшую, чем острие иглы, учитывая влияние ветра, скорости лошади и веса тысяче-цзиневого мощного лука — разве это легко?

Зрачки Дань Чао сузились почти в щелочки.

Свистел ветер, стучали копыта, одежда развевалась и хлопала. Весь мир трясся вверх-вниз, и только он был подобен предельно спокойной горной стене. Та самая точка на расстоянии в сотню шагов увеличивалась, увеличивалась в его глазах, постепенно превращаясь в красную сердцевину мишени...

В ту стрелу.

— Чтобы стрелять из лука, нужно иметь острое зрение, твердую руку и спокойное сердце. Видишь ту лису? Нацель наконечник стрелы на нее, учитывай скорость ветра и расстояние, но не позволяй ничему постороннему влиять на тебя.

В пустыне юноша сидел на лошади, натягивая тетиву, прищурил глаза вдоль линии полета стрелы.

Его лицо, огрубевшее от ветра и песка, но с очень мужественными чертами, было полно захватывающей концентрации и спокойствия.

— Она двинулась, — крикнул молодой человек. — Стреляй!

Сильные пальцы юноши разжались. Оперенная стрела со свистом полетела вперед. Лиса резко прыгнула, и затем, с пробитой головой, с глухим стуком упала на землю.

Юноша слез с коня, подошел, поднял мертвую лису, осмотрел ее и покачал головой:

— Я хотел попасть ей в глаз. Испорченная шкура не годится, чтобы сшить тебе одежду, учитель.

Молодой человек был подобен глубокому озеру — любые эмоции скрывались на самой его глубине, редко проявляясь на этом красивом лице. Услышав эти слова, он лишь на мгновение показал мимолетную улыбку.

Юноша вернулся к молодому человеку, примерил лису перед ним, как будто размышляя, сколько таких лисьих шкур нужно накопить, чтобы сшить меховую одежду. Затем он поднял подбородок, глядя на молодого человека, долго разглядывал его и вдруг, поддавшись чувству, сказал:

— Учитель, ты очень красив.

Молодой человек фыркнул и повернулся, чтобы уйти.

— Правда, учитель красивее, чем та продавщица вина на рынке... нет, красивее, чем танцовщица-ху из таверны.

Юноша, неся лису за спиной и ведя коня, следовал за молодым человеком, разглядывая своего учителя со всех сторон, словно не мог найти никого, кто был бы красивее его учителя. Затем его одолели сомнения:

— Но, учитель, почему ты всегда недоволен?

— Я не недоволен, — ответил молодой человек, не оборачиваясь.

— Но ты никогда не улыбаешься мне, как та ху.

Юноша приблизил лицо:

— Это потому, что я учусь недостаточно хорошо, поэтому ты недоволен?

Лицо юноши еще сохраняло юношескую незрелость, но уже угадывались черты взрослого, глубокого и мужественного облика. Молодой человек слегка раздраженно покачал головой, привычно оттолкнул его.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты стал доволен? Победить тебя? А, нет, это было бы предательством учителя и отрицанием предков. А если превзойду тебя в верховой езде и стрельбе?

— Но как считать, что я превзошел тебя в верховой езде и стрельбе?

Юноша задумчиво помолчал, его взгляд упал на орлиный коготь у него на груди, и он улыбнулся:

— Учитель, когда я хорошо научусь верховой езде и стрельбе, я подстрелю для тебя орла!

Молодой человек вздохнул.

— Договорились, жди меня!

Юноша уверенно похлопал по луку:

— Максимум к этому времени в следующем году я смогу подстрелить для тебя орла!

Подстрелить орла.

Голос юноши в свисте ветра и песка то приближался, то удалялся. На спине лошади дыхание Дань Чао внезапно замерло.

В следующий миг он разжал пальцы и выпустил стрелу.

Стальная стрела пронеслась через ипподром, словно метеор, исчезнув вдаль. Затем мишень на глазах у всех заметно дрогнула.

— Попал!

Дань Чао убрал лук за спину, даже не взглянув, обхватил Се Юня руками, ухватился за поводья и крикнул:

— Вперед!

<http://bllate.org/book/15578/1387278>